

© 1995 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ВИФИНИИ

(К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций)

Изучение государственного устройства эллинистических держав и не в последнюю очередь самого института эллинистической монархии занимает в трудах историков-антиковедов важное место. И это вполне закономерно: ведь такая тематика позволяет показать (может быть, даже наиболее наглядно) сущность греко-восточного синтеза в сфере внутренней организации новых государств, возникших на территории распавшейся империи Александра. Однако такого рода исследования ведутся, как правило, либо на обобщенно-теоретическом уровне, либо с привлечением сравнительно многочисленных и хорошо изученных материалов, относящихся к царствам Антигонидов, Селевкидов, Птолемеев и Атталидов. В силу этого страны, находившиеся на "окраинах" эллинистического мира, занимают столь же периферийное место и в спектре научных изысканий отечественных и зарубежных ученых; и не случайно в историографии широко распространен тезис о сходстве (если не полной тождественности) форм управления в Египте, Сирии или Пергаме с аналогичными структурами иных государственных объединений этого периода, в том числе и монархий Северной и Центральной Малой Азии¹.

Вифинское царство в этом отношении не является исключением: сложившийся в нем институт монархической власти до сих пор не становился объектом целенаправленного изучения, и в результате этого присущие ему особенности всестороннего освещения не получили. В монографии Дж. Витуччи, которая, при всей ее концептивности, уже в течение 40 лет остается наиболее полной сводкой материалов по вифинской истории, данному предмету посвящено всего несколько страниц, а краткие выводы выделены во вполне традиционном ключе². Возможность отойти от подобных нивелирующих оценок связана, по нашему мнению, с рассмотрением царской власти в Вифинии как синтетического явления, порожденного взаимодействием четырех традиций государственности: фракийской, ирано-ахеменидской, общеэллинистической и анатолийской³.

¹ См., например, *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 153; *Eddy S.* The King Is Dead. Lincoln, 1976; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. L., 1981. P. 75; *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and New Kingdoms of Asia Minor // САН. V. VII. Ed. 2. 1984. P. 422.

² *Vitucci G.* Il regno de Bitinia. Roma, 1953. P. 125-127. Итальянский историк полагает, что "... в отношении политической, социальной и административной структур Вифинское царство... в основном стоит в том же ряду, что и другие эллинистические монархии".

³ Соседство с греческими полисами побережья Южного Понта и Пропонтиды сколько-нибудь заметного влияния на формирование вифинской государственности не оказало. Если обратиться к примеру фракийских племен в Европе, то и для них наиболее типичным было создание крупных политических объединений не у побережья, в зоне контактов с эллинскими колониями, а на внутренних территориях (*Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 21). Б. Харрис также отмечает принципиальное различие автономии полисов Северо-Западной Анатолии, с одной стороны, и "свободы" вифинских племен — с другой (*Harris B.F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. Bd VII. Ht 2. В. — N.Y., 1982. P. 852).

Основания для такого подхода достаточно очевидны: ведь на протяжении I тыс. до н.э. вифинский племенной союз сначала входил в состав фракийской этнической общности, затем был включен в империю Ахеменидов, а после достижения и укрепления независимости занял свое место среди государственных образований эпохи эллинизма. Отмечалось также и близкое типологическое сходство Вифинии с соседними царствами Северной и Центральной Малой Азии, обусловленное более прочным сохранением местных азиатских элементов в социально-экономической и политической структуре этих государств по сравнению с другими регионами эллинистического мира⁴. Однако при исследовании конкретного исторического материала выясняется, что влияние, испытываемое Вифинией со стороны Персидской империи, по источникам прослеживается очень слабо; в то же время близость некоторых черт монархии в Вифинии особенностям царской власти других анатолийских государств выступает наиболее рельефно и кажется чем-то большим, нежели поверхностное сходство, лишь при проведении комплексного анализа, не ограниченного только сферой государственного устройства⁵. В рамках одной статьи проведение такого всестороннего исследования не представляется возможным. Общеэллинистический компонент в структуре Вифинского государства, безусловно, преобладает, но значительное число фактов из истории династии может быть более или менее убедительно интерпретировано лишь при соотнесении их с фракийским "наследием". Поэтому представляется оправданной попытка проследить взаимодействие и синтез двух основных элементов вифинской государственности – собственно фракийского и общеэллинистического – в контексте истории страны в IV–I вв. до н.э., что может позволить выявить специфические черты монархической власти в Вифинии⁶.

Вопрос о времени обретения вифинцами своей государственности довольно сложен. Судя по монетам II в. до н.э., в 297/6 г. до н.э. правитель Зипойт принял титул царя, и этот год стал началом вифинской царской эры⁷. Однако Диодор называет Зипойта *ὁ βασιλεὺς τῶν Βιθυνῶν*, рассказывая о событиях 315 г. до н.э. (Diod. XIX. 60. 3), и К. Белох на этом основании сделал вывод, что монархическая форма правления и титул *βασιλεὺς* в Вифинии, как и во Фракии, были традиционными⁸. Это мнение не разделяется современными исследователями⁹, поскольку Диодор, видимо, не придерживался точной терминологии, а гораздо лучше осведомленный в вифинской истории Мемнон называет Зипойта *ὁ Βιθυνῶν ἐπάρχων* (Memn. XX. 3). Там же Мемнон сообщает хронологию вифинской княжеской династии в V–IV вв. до н.э.: около 435 г. до н.э. правил Дидалс, ему наследовал Ботир, затем – Бас (377/6–328/7 гг. до н.э.) и Зипойт (328/7–280/79 гг. до н.э.)¹⁰. Данная информация, почерпнутая Мемноном как из гераклеиских, так и, возможно, из собственно вифинских источников¹¹, свидетель-

⁴ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 160 сл.; *Kreißig H. Geschichte des Hellenismus*. В., 1984. S. 147.

⁵ Интересна попытка такого сравнения Вифинского и Понтийского царств: *Mc Ging B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden, 1986. P. 67–68.

⁶ Проблема фракийских традиций в истории Вифинии разрабатывалась А. Фолом: *Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия*. София, 1970; *Fol A. Parallèles thraco-bithyniens de l'époque préromaine*. I. Le régime de la propriété // *Etudes historiques*. Т. 5. Sofia, 1970. P. 177–189; *idem. Thrako-bithynische Parallelen im vorrömischen Zeitalter*. II. Bevölkerungs- und Gesellschaftsstrukturen // *Thracia I. Serdicae*, 1972. S. 197–212. Однако, на наш взгляд, многие выводы болгарского исследователя носят чисто умозрительный характер и едва ли могут быть приняты.

⁷ Мы следуем датировке Г. Перла: *Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств* // ВДИ. 1969. № 3. С. 36–39. Последнее наиболее обстоятельное исследование с полной библиографией: *Leschhorn W. Antike Ären*. Stuttgart, 1993. S. 178–191.

⁸ *Beloeh K.J. Griechische Geschichte*. Bd IV. Abt. 1–2. Lpz, 1925. Abt. 1. S. 234. Anm. 1.

⁹ См. *Vitucci*. Op. cit. P. 11–12. Not. 1.

¹⁰ *Meyer Ed. Bithynia* // RE. Bd III. 1898. Sp. 515.

¹¹ О взаимовлиянии гераклеиской и вифинской исторических традиций: *Rostovtzeff. SENHW*. V. I. P. 567; *Дзагурова В.П. Мемнон. О Гераклее*. Введение, комментарии // ВДИ. 1951. № 3. С. 286.

ствует о достаточно прочном положении правящего дома в пользовавшемся определенной самостоятельностью малоазиатском государстве¹².

Указания источников на более древние корни вифинской династии весьма противоречивы и должны быть восприняты критически. Сообщение Аппиана о том, что в Вифинии правило 49 царей (App. Mithr. 2), явно неисторично¹³. Сведения Страбона и Стефана Византийского о городе Прусе у Мизийского Олимпа: κτίσμα Προυσίου τοῦ πρὸς Κροίσον πολεμήσαντος (Strabo. XII. 3, 4) и πρὸς Κύρον πολεμήσαντος (Steph. Byz., s. v Προῦσα) не могут служить аргументом в пользу существования какого-то царя Прусия в VI в. до н.э., а являются скорее всего результатом ошибки переписчика¹⁴.

Безусловно, 297/6 г. до н.э. стал значительным рубежом в истории вифинской династии. Предпринятый Зипойтом политико-юридический акт вполне следовал действиям диадохов, провозгласивших себя царями по примеру Антигона Монофталма. Вифинский династ посредством этого шага явно стремился утвердиться в политической системе, созданной новыми властителями¹⁵. Можно также считать, что с этого времени в организации вифинской государственной власти фиксируется присутствие общезллинистического компонента, вступившего во взаимодействие с еще довольно примитивными политическими структурами.

Одним из аргументов в пользу того, что на протяжении первой половины III в. до н.э. в характере государственной власти в Вифинии задавали тон доэллинистические фракийские традиции, является ономастикон вифинских царей¹⁶. Фракийское происхождение имени Зипойт (Ζιποίτης, Ζιβοίτης, Ζιβύτης) отмечалось уже в древности (Paus. V. 12. 7), а Д. Дечев показал, что оно восходит к фракийскому Ζίηα и означает "сияющий, блестящий"¹⁷. Имя Зиэл (Ζιαήλας, Ζιήλας), возможно, имеет

¹² Трудно согласиться с А. Фолом, полагающим, что власть вифинских правителей обосновывалась воспринятыми у Ахеменидов идеями о праве завоевания (Parallèles... P. 181). Переселение вифинцев в Малую Азию произошло в достаточно отдаленное время, и в эпоху эллинизма территории их расселения считались исконными вифинскими землями.

¹³ Vitucci. Op. cit. P. 12–13. Not. 3.

¹⁴ См. различные варианты прочтения и истолкования этих сообщений: Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893. Т. III. С. 378; Sölch J. Bithynischen Städte im Altertum // Klio. 1924. S. 156. Anm. 1; Dörner F.K. Prusa ad Olympum // RE. Bd XXIII. 1. 1957. Sp. 1077–1078. К. Хабихт считает этого Прусия мифическим героем (Habicht Ch. Prusias (1) // RE. Bd XXIII. 1. 1957. Sp. 1103), а ряд авторов признает его историчность (Reinach Th. Essai sur la numismatique des rois de Bithynie // RN. 1887. P. 225; Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1952. S. 384 ff.; Фол. Ук. соч. С. 210; такому пониманию, видимо, следует в своем переводе Страбона и Г.А. Стратановский). В новой работе по истории Прусы Т. Корстен высказывает мнение об основании города вифинским или мизийским династом VI в. до н.э., ссылаясь при этом на оставшуюся ему недоступной и никак не датированную надпись из Мегары, где засвидетельствовано имя, начинающееся на Прους-. Исследователь отвергает замену неясного имени на Кієров (ведь именно Прусий I, которому также приписывается основание Прусы-у-Олимпа, в конце 190-х годов до н.э. завоевал Киер – см. Dörner. Op. cit. Sp. 1077) на том основании, что Киер ко времени его захвата вифинцами не был самостоятельным, а принадлежал Гераклее (IvPrusa. S. 21–25). Тем не менее возможна иная конъектура, устраняющая указанное противоречие: πρὸς Κίον, что хорошо согласуется с предшествующим пассажем Страбона о завоевании Прусием I Кюса (Strabo. XII. 4. 3) (любезно указано нам Г.А. Таросяном).

¹⁵ Vitucci. Op. cit. P. 21; Habicht Ch. Zipoites (1) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 455. Для Зипойта, как и для других представителей азиатской знати, принятие царского титула служило действенным пропагандистским средством в борьбе за достижение полной независимости от диадохов. См. Müller O. Antigonos Monophthalmos und "Das Jahr der Könige". Bonn, 1973. S. 124–127.

¹⁶ Относительно недавно к этой теме обращались болгарские ученые: Georgiev V. La formation et l'étymologie des noms des rois thraces et daces // LB. 1981. T. XXIV. 1. P. 5–29; Duridanov I. Die thrakischen Personennamen Bithyniens // Ibid. P. 31–42. Они выявили в вифинском ономастиконе присутствие нефракийских элементов неясного этнического происхождения.

¹⁷ Detschew. Op. cit. S. 191.

фригийские корни¹⁸. Имена обеих жен Никомеда I – Дитизеле (Агг. Bithyn. FGrH. 156 F. 29; Tzetz. Chil. III. 950; Плиний называет ее Консингис – Plin. NH. VIII. 144) и Этадзета (Memn. XXII. 1) – указывают на их фрако-фригийское происхождение. Характерно, что вплоть до середины II в. до н.э. у вифинских правителей фракийские именные формы перемежались с греческими. Так, из четырех сыновей Зиפוита I двоих звали Никомед и Зипойт (Memn. XVII); филэллин Никомед I назвал своих детей Зиэл, Лисандра (Агг. Bithyn. FGrH. 156 F. 29; Tzetz. Chil. III. 950)¹⁹ и Зипойт (Τιββοίτης – Polyb. IV. 50. 8); старший сын Пруссия II носил имя Никомед, а один из младших – тоже Прусий (Liv. Per. 50; Val. Max. I. 8). Только после Никомеда II (149 – ок. 127 г. до н.э.) в царской фамилии окончательно утверждаются греческие имена – Никомед, Сократ.

Ранние монеты вифинских царей также не свободны от фракийского влияния, проявлявшегося в отражении некоторых местных культов. На реверсе серебряной тетрадрахмы Никомеда I изображена богиня Бендида, а мужская фигура на драмах этого же царя была отождествлена Т. Рейнаком с Аресом, почитание которого было распространено у вифинских племен (Eustath. Dion. Per. 793 – FGrH. 156 F. 77)²⁰. Культ бога войны у вифинцев далеко не случаен: специфической чертой царской власти в Вифинии долгое время оставался ее ярко выраженный военный характер.

Полибий в своем известном пассаже, гневно осуждая Прусия II, перечисляет его пороки: он был "трусом и бабой в военном деле" и "во всех случаях жизни проявлял дряблость души и тела"; поэтому если "ни один народ не выносил такого рода слабости в своих царях, то народ вифинский – в особенности" (Polyb. XXXVII. 7. 1–3). Эд. Мейер видит в этом сообщении лишь доказательство воинственности вифинцев и существования у них чувства собственного достоинства²¹, что трудно принять буквально²². Недостаточная компетентность Пруссия в военном деле не только являлась вызовом общественному мнению вифинцев, но и находилась в противоречии с одним из основополагающих принципов вифинской βασιλεία (имеющим непосредственные точки соприкосновения с фракийскими установлениями)²³. Каждый вифинский царь должен был быть умелым полководцем и отважным воином. Идеалом здесь могли быть династ Бас – ведь он своими победами "подготовил то, что македоняне отказались от Вифинии" (Memn. XXII, 2), Зипойт, λαμπρὸς ἐν πολέμοις (Memn. XXII, 3), Зиэл, которого Арриан сравнивал по доблести с Гераклом (Агг. Bithyn. FGrH. 156 F. 89b)²⁴ или Прусий I, которого Мемнон характеризует как δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξας (Memn. XXVII. 1)²⁵. Данная особенность сближала Вифинию с державой Селевкидов, военный характер которой подчеркивает Э. Бикерман²⁶, но означенная черта была присуща не всем эллинистическим государствам в

¹⁸ Ibid. S. 186.

¹⁹ Арриан и Цец ошибочно отождествляют одного из сыновей Никомеда I с Прусием I, приходившимся ему внуком. См. *Habicht Ch. Prusias* (3) // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1127. Варианты реконструкции родственных связей внутри династии: *Reinach*. Op. cit. P. 369; *Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides*. T. II. P., 1914. P. 644; *Beloeh*. Op. cit. Abt. 2. S. 214.

²⁰ *Recueil*. P. 216; 218–219; ср.: *Попов Д.* Тракийската богиня Бендида. София, 1981. С. 27; 74. В сравнении с этими нумизматическими материалами монеты Пруссия I выглядят явной попыткой поднять филэллинский престиж династии: на реверсе его тетрадрахм впервые было помещено изображение Зевса Стратия, ставшее наиболее употребительным символом у его преемников (*Le Rider G.* Un tetradrachme de Prusias de Bithynie // *Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne*. № 10. Louvain-la-Neuve, 1983. P. 167–172).

²¹ *Meyer Ed.* Op. cit. Sp. 522.

²² См. *Габелко О.Л.* Этнический и социальный аспекты психологии вифинского общества в эллинистическую эпоху (Попытка реконструкции) // *Социальные структуры и социальная психология античного мира*. Докл. конф. М., 1993. С. 64.

²³ *Златковская*. Ук. соч. С. 200.

²⁴ Монеты Зиэла Т. Рейнак определяет как "monnaie de combat" (op. cit., p. 223).

²⁵ Ср.: *Habicht. Prusias* (1). Sp. 1106.

²⁶ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 15; ср.: *Свенцицкая И.С.* Восприятие царя и

равной мере. Так, в Птоломеевском Египте на первый план выдвигалась сакральная сущность монархической власти²⁷. С середины II в. до н.э. военный характер монархии в Вифинии теряет прежнее значение: в официальной пропаганде образ царя-воина уступает место изображению монарха – покровителя культуры и искусств (Gran. Lic. XXXV; Plin. NH. VII. 12; XXXVI. 21; OGIS 342; 345; IG IV. 558).

Пожалуй, наиболее своеобразно взаимодействие различных традиций государственности сказалось на порядке престолонаследия в Вифинии. Присущие ему особенности могут быть определены при рассмотрении нередких в истории страны династических смут.

Такого рода кризис впервые возник в 280–277 гг. до н.э. после смерти первого вифинского царя Зипойта. На престоле утвердился его старший сын Никомед, но вскоре против него поднял мятеж один из трех его братьев – Зипойт Вифин, обосновавшийся в Финийской Фракии. Конфликт, обострившийся на фоне внешнеполитических трудностей, принял очень ожесточенный характер, но все же Никомеду I удалось заручиться поддержкой соседних греческих полисов и галатов и расправиться с Зипойтом (а также еще с одним из братьев) (Memn. XVII; XIX. 5; XX. 3; Liv. XXXVIII. 16. 7–9).

Как следует из сообщения Мемнона, Зипойт I завещал власть старшему из своих сыновей, что было типично как для эллинистических держав, так и для Фракии²⁸. Каким же был статус остальных его детей? В источнике говорится о Зипойте Вифине: ὁς τῆς Θυνιᾶκτῆς ἐπιτροχῆς Θρακικῆς (Memn. XVII), что расценивается многими исследователями как свидетельство захвата им этой области²⁹. Надежнее обоснованной, однако, представляется несколько иная версия событий. Кажущийся более точным по контексту перевод слова ἐπιτροχῆς как "управлял" (а не "владел", согласно В.П. Дзагуровой), может указывать на то, что власть в Финийской Фракии не была узурпирована Зипойтом, а принадлежала ему на основании определенного наследственного права³⁰. Сообщение Мемнона вполне возможно сопоставить с мнением тех исследователей, которые считают, что Понтийское царство было разделено на эпархии³¹; подобного рода территориально-административной единицей в составе Вифинии могла быть и Финийская Фракия³². Господство Зипойта в этой области, при всей отрывочности

царской власти в эллинистических полисах (По данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. М., 1990. С. 107.

²⁷ См. Бентсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 147–148; Grant M. From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. N.Y., 1984. P. 96–97.

²⁸ Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 BC. L., 1932. P. 251; Бикерман. Ук. соч. С. 20; Златковская. Ук. соч. С. 219.

²⁹ Дройзен. Ук. соч. Т. III. С. 99; Tarn W. The New Hellenistic Kingdoms // САН. V. VII. Ed. 1. 1928. P. 100; Дзагурова В.П. Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии. Дис... канд. ист. наук. М., 1946. С. 109; она же. Мемнон. О Гераклее. С. 297. Прим. 1. Не столь категорично: Corradi G. Studi ellenistici. Torino, 1927. P. 114.

³⁰ См. Дройзен. Ук. соч. Т. II. С. 373 (в отличие от приведенного выше мнения этого автора); Schneiderwirth H. Das Pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1885. S. 5; Habicht Ch. Zipoites (2) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 456.

³¹ Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // САН. V. IX. Ed. 1. 1932. P. 215; Rostovtzeff. СЕННВ. V. II. P. 576; Geyer F. Mithridates // RE. Bd XV. Hlbd 30. 1932. Sp. 2201–2202; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. V. II. Princeton, 1950. P. 1070–1072; ср.: Сапрыкин С.Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 96.

³² Сепаратизм, проявленный населением этой области, явно имел причиной внутрдинастические противоречия, усугубленные внешнеполитическими проблемами. Данный эпизод не подтверждает мнения А. Фола о существовании в Вифинии полунезависимых племен, чьи вожди были неизменно враждебны центральной власти (Fol. Paralleles... P. 181); единственным примером, иллюстрирующим этот тезис, можно было бы считать упоминание Дионисием Византийским какого-то вифинского царя по имени Мукапорис (Dion. Byz. 96), но из этого отрывочного сообщения невозможно извлечь какую-либо информацию. Отметим, что в более поздней работе А. Фол высказал прямо противоположное мнение о территориальной компактности Вифинии и отсутствии в стране "местных династических линий" (Фол А. Тракия и Балканите през ранноэллинистическата епоха. София, 1975. С. 98).

сведений о нем, напоминает власть фракийских парадинастов³³, а сама ситуация 280–277 гг. до н.э. в Вифинии сходна с положением дел во Фракии, когда после смерти царя одрисов Котиса I (359 г. до н.э.) разгорелась борьба за власть между Керсоблентом, Амадоком и Берисадом, завершившаяся разделом царства³⁴. Уместна параллель и с эпизодами I в. до н.э., когда римляне после смерти фракийского царя Реметалка I разделили власть в стране между его сыном Котисом и братом Рескупоридом (Тас. Ann. II. 64), а затем передали господство над отдельными районами Фракии детям Котиса и Реметалку – сыну Рескупорида (Тас. Ann. III. 38).

Все эти сходные события, видимо, имеют в своей основе связанные общим происхождением юридические нормы, регулировавшие порядок наследования царской власти и допускавшие возможность расчленения страны на отдельные области, которые передавались во владение тем или иным представителям царской семьи. При этом допускалась возможность "разделения" самой суверенной власти, хотя чаще верховное правление сохранялось за одним из членов династии. Существование подобной практики, конечно же, никоим образом не способствовало сохранению стабильности внутри страны.

Другая междоусобица вспыхнула в Вифинии вслед за смертью Никомеда I (около 255–253 гг. до н.э., согласно В. Тарну)³⁵. Царь записал наследниками детей от своей второй жены, в то время как его сын от первого брака Зизл вынужден был бежать к царю армениев, опасаясь козней мачехи (Мемн. XXII. 1). Здесь представляют интерес сразу несколько моментов. Во-первых, Никомед назначил для своих наследников опекунов – Птолемея II, Антигона Гоната, а также византийцев, гераклеотов и кианийцев (Мемн. XXII. 1). Это был, насколько нам известно, первый из аналогичных примеров в истории эллинистических государств, и он мог подготовить почву для подобных действий других правителей³⁶. Назначение опекунов свидетельствует об активном стремлении вифинского царя с выгодой войти в международно-правовые структуры эллинистического мира, обеспечить интересы союзников по Северной лиге³⁷ и гарантировать безопасность наследников. Но предотвратить гражданскую войну в Вифинии Никомеду I все же не удалось.

Во-вторых, довольно непонятным кажется указание Мемнона на то, что Никомед I записал наследниками своих детей от второго брака, а не кого-то одного из них (κληρονόμους μὲν τοὺς μὲν ἐκ τῆς δευτέρας γυναῖκος γράφει παῖδας). Довольно схожий эпизод, имевший место более чем через сто лет после описываемых событий, изложен Юстином: «Прусий (II – О.Г.) задумал убить своего сына Никомеда, так как "...заботился о младших своих сыновьях, прижитых им от мачехи Никомеда"» (Iust. XXXIV. 4. 1)³⁸. Завещание царской власти не одному, а нескольким наследникам, вне какой-либо связи с практикой регентства или обычного соправительства, в корне противоречило бытовавшему в эллинистических монархиях принципу, согласно которому суверенная власть целиком переходила только к одному правомочному лицу³⁹. Не следует ли видеть в этих действиях вифинских царей проявление каких-то

³³ О парадинастах см. Златковская. Ук. соч. С. 230–232.

³⁴ Там же на с. 217 эти события рассмотрены в связи с определением порядка наследования престола во Фракии.

³⁵ Tarn W. Antigonos Gonatas. Oxf., 1969. P. 327. Not. 38.

³⁶ Сравнение завещаний Никомеда I и Аттала III Пергамского: Allen R.A. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 84. Not. 40. Д. Браунд указывает на различие между передачей царства Риму и "внешним опекунством" (Braund D.C. Rome and the Friendly King. The Character of Client Kingship. London – Canberra – New York, 1984. P. 148.

³⁷ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 170. Другим фактором, учитывавшимся при назначении опекунов, была их враждебность к Селевкидам. См. Will Ed. Histoire politique du monde Hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. I. Nancy, 1967. P. 246–247.

³⁸ Правда, это сообщение может иметь и другой смысл: Прусий просто опасался за жизнь своих младших детей, которых Никомед мог рассматривать как потенциальных соперников.

³⁹ Бикерман. Ук. соч. С. 19.

архаичных установлений, вероятно, также фракийского происхождения? Далее, вызывает интерес упоминание источника о том, что "стараясь спасти власть для младших детей царя, вифины выдают мать их замуж за брата Никомеда" (Memn. XXII. 2) – того, который не был уничтожен Никомедом I после подавления мятежа Зипойта Вифина. Налицо явное стремление подкрепить законность притязаний новых наследников апелляцией к отцовскому праву. Между тем похожая ситуация в истории Пергама нашла прямо противоположное разрешение: при слухах об убийстве Эвмена II в 171 г. до н.э. и после его смерти в 159 г. до н.э. брат царя Аттал дважды женился на его супруге, дабы обеспечить легальную основу своей власти (OGIS 303; 304; Diod. XXIX. 34; Liv. XLII. 16. 7–9; Plut. Mor. 184B). Таким образом, выявленные О.Ю. Климовым особенности престолонаследия в Пергаме, связанные с переходом от матрилинейного к патрилинейному наследованию и восходящие к местным анатолийским традициям⁴⁰, в истории Вифинии не прослеживаются⁴¹. Влияние фракийского субстрата с характерным для него утверждением отцовского права в данном случае оказалось более весомым.

Наконец, события 255–253 гг. до н.э. положили начало закреплению в истории вифинской династии еще одного типичного для эллинистического мира принципа: праву царя назначать своего преемника особым распоряжением, отступая от передачи власти старшему сыну⁴². Конфликты, вызванные противоречием двух систем престолонаследия: одной – основанной на праве первородства, другой – на праве монарха распоряжаться своим "достоянием" – царской властью – по собственному усмотрению, были нередки в державе Селевкидов⁴³; не избежала их и Вифиния. В рассматриваемом здесь эпизоде развязанная Зиэлом гражданская война завершилась для него успешно; из этого следует, что осуществлению официально выраженной воли Никомеда воспрепятствовало реальное соотношение военно-политических сил.

Воцарение Зиэла сопровождалось отдельными неоднозначными деталями, которые уже в течение длительного времени привлекают внимание исследователей. Специфика вифинской βασιλεία определенным образом отразилась в титулатуре Зиэла в его письме "совету и народу Коса" – βασιλεὺς Βιθυνῶν Ζιαήλας⁴⁴. Использование определения-этнокона в сочетании с именем царя и самим титулом βασιλεὺς – единичное явление для эллинистической эпохи. На этом основании некоторые антиковеды пытались провести параллели между Вифинией и Македонией, где порой также встречались подобные официальные формулы, усматривая сходство в общественной психологии вифинцев и македонян с якобы присущим ей "сильным национальным самосознанием" (keen national consciousness)⁴⁵. Хотя отрицать факт

⁴⁰ Климов О.Ю. Престолонаследие в эллинистическом Пергаме // Античное общество и государство. Л., 1987. С. 116–126.

⁴¹ Брак Никомеда IV с его теткой, сестрой Никомеда III (Gran. Lic. XXXV. 29. 8–10; 30. 1) трудно объяснить стремлением укрепить право на престол, так как легитимность его власти уже была подтверждена римским сенатом и никем не оспаривалась (Memn. XXX. 3; App. Mithr. 10). Сводный брат Никомеда IV Филопатора Сократ во избежание возможных осложнений был отправлен отцом в Кизик, где жил, вероятно, как частное лицо (Gran. Lic. XXXV. 29. 6–8). Поначалу он не имел никаких притязаний на трон (Gran. Lic. XXXV. 29. 1–2).

⁴² Бикерман. Ук. соч. С. 20.

⁴³ Там же. С. 21.

⁴⁴ Текст надписи и комментарий: Herzog R. Ein Brief des König Ziaelas von Bithynien an die Koer // AM. 1905. № 30. S. 173–182; Welles. RC. P. 118–123.

⁴⁵ Dow S., Edson C.-F. Chryseis. A Study of the Evidenc. in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. V. XLVIII. 1937. P. 139. Исследователи полагают, что в случае обращения македонских царей к гражданам независимых государств в официальных документах могла употребляться титулатура βασιλεὺς Μακεδόνων (ibid.). По другой версии, изменение в титулатуре вифинских царей (и, в частности, исчезновение этнокона в надписях последующих правителей) свидетельствует об усилении "абсолютизма" царской власти. См. Treves P. Les documents apocryphes du "Pro Corona" // EC. V. IX. 1940. P. 151. Not. 2. Критика этих точек зрения дана в работе: Aymard A. Le protocole royal grec et son evolution // Aymard A. Etudes d'histoire ancienne. P., 1969. P. 80–81.

определенной этнической и политической консолидации вифинцев в IV–III вв. до н.э. не следует, подобные выводы строятся на слишком зыбких основаниях и потому едва ли могут быть приняты. Не имея возможности каким-либо иным образом объяснить столь необычное словоупотребление, многие историки склонны видеть в нем следствие ошибки царского секретаря, недостаточно основательно знакомого с особенностями общепринятых норм царской титулатуры⁴⁶.

Однако эта версия не снимает существа вопроса: ведь титул Зиэла в том виде, в каком он приведен в документе – это в любом случае не описка, а результат выражения каких-то политико-правовых норм, пусть даже не вполне соответствующих общеэллинистическим образцам⁴⁷. По понятным причинам подобная формулировка не могла быть отнесена к представителям царских домов Селевкидов или Птолемеев – тем суверенам, чья власть носила исключительно персональный характер и нисколько не отождествлялась с "национальной" монархией⁴⁸. Однако в истории Фракии имел место отраженный в эпиграфических памятниках инцидент, рассмотрение которого с большой долей вероятности способно помочь в объяснении того "уникального исключения"⁴⁹, какое являет собой титул Зиэла.

Дело в том, что близкая по форме титулатура засвидетельствована и для уже упоминавшегося Реметалка II: βασιλευόντος Θρακῶν Ρομητάλκου⁵⁰ и Ρομητάλκου Θρακῶν βασιλέως (IGB I 378). Характерно, что в более ранних надписях он именовался династом, но после описанных Тацитом событий (Тас. Ann. II. 67; III. 38; IV. 5; 47), приведших к фактическому объединению страны под его началом, принял новый титул, до того не употреблявшийся⁵¹. Появление еще одного соответствия между монархической властью во Фракии и Вифинии показательно само по себе, но сходство не исчерпывается только этой деталью. Ведь Зиэл занял престол после длительной и упорной борьбы за власть (Мемн. XXII. 2), и не исключено, что до того, как им была одержана окончательная победа, ему пришлось идти на компромиссы. Мемнон говорит о заключении между враждующими сторонами каких-то договоров, приведших к установлению мира (Мемн. XXII. 2); и можно допустить, что их результатом стало принятие промежуточных решений, включавших в себя как крайнюю меру даже временное разделение территории Вифинии между Зиэлом и его противниками⁵². Фактическое сохранение единства Вифинии и подчеркивание его (а, следовательно, и легитимности собственного правления) с помощью пропагандистских средств оставалось для Зиэла (как и для Реметалка во Фракии) очень важной задачей даже спустя несколько лет после его воцарения. Можно предположить, что именно на достижение этой цели и было направлено употребление необычной формулы βασιλεύς Βιθυνῶν⁵³.

⁴⁶ Ibid.; Vitucci, Op. cit. P. 125–126. Not. 3; Walbank F.W. Monarchies and Monarchic Ideas // САН. V. VII. P. 2. Ed. 2. 1984. P. 65. Not. 10. Не столь категорично: Welles. RC. P. 121; Habicht Ch. Ziaelas // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 391.

⁴⁷ Интересным кажется еще один момент, несколько проясняющий ситуацию, в которой находился Зиэл: он не называет царем своего отца Никомеда I, отказавшего ему в праве на престол (сткк. 9, 20). См. Tituli Asiae Minoris. V. IV. F. 1. Vindobonae, 1978. P. 6.

⁴⁸ Бицсерман. Ук. соч. С. 5–7; Walbnak. The Hellenistic World. 74–75.

⁴⁹ Аумард. Op. cit. P. 80.

⁵⁰ Иванов Т. Два надписа от античните град при Разград // ИБАИ. Т. XIX. Сб. "Гаврил Кацаров". Ч. 2. 1955. С. 169.

⁵¹ См. о Реметалке II и его титулах: Gaggero G. Nouvelles considérations sur les dynastes du I-er siècle de n. ere // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace. III. Sofia. 1980. P. 312–314.

⁵² Ср.: Reinach. Op. cit. P. 232; Habicht. Ziaelas. Sp. 390. Противоположное мнение основано на отсутствии монет, выпущавшихся от имени противников Зиэла (см. Sevruagian E. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΑΝΛΑΣ // Schweizer Münzblätter. Bd. 23. 1973. S. 38). Однако и период единовластного правления Зиэла (значительно более продолжительный, чем предполагаемое существование в Вифинии отдельных доменов!) тоже богат мунизматическими материалами: до нас дошло лишь пять бронзовых монет невысокого качества (Schöner-Geiss E. Bithynien // Chiron. 1978. Bd 8. S. 690). Видимо, монетное дело страны в это время переживало упадок, причину которого можно видеть в тяжелых последствиях гражданской войны.

⁵³ Восстановление аналогичного титула в надписи Никомеда IV из Афродисия (Reynolds J. Aphrodisias and Rome. L., 1982. P. 20–26) остается лишь предположением. Дж. Рейнольдс, видимо, исходит из построений

Конфликт, вызванный завещанием Никомеда I и его произвольной трактовкой заинтересованными сторонами, получил неожиданный отклик спустя приблизительно тридцать лет после его окончания. В 220 г. до н.э. во время войны между сыном Зиэла Прусием I и византийцами последние решили дестабилизировать положение своего врага, вызвав из Македонии нашедшего там убежище Зипойта (Тибойта), сводного брата Зиэла (Polyb. IV. 50. 1). Византийцы, как сообщает Полибий, намеревались выдвинуть его в качестве претендента на вифинский престол: οἱ δὲ Βυζάντιοι... ἐπὶ τε τὸν Τιβοίτην ἐξαπέστειλλον... ἐδόκει γὰρ οὐχ ἥττον ἢ Βιθυνῶν ἀρχὴ Τιβοίτη καθῆκεν ἢ Προυσία διὰ τὸ πατρὸς ἀδελφὸν αὐτὸν ὑπάρχειν τῷ Προυσία (Polyb. IV. 50, 8–9). Из источника отнюдь не следует, что династические права Зипойта были предпочтительны⁵⁴; скорее они признавались лишь византийцами, чью акцию Д. Браунд расценивает как продолжение прежних опекунских обязательств, включавших в себя "предоставление военной силы против узурпации"⁵⁵. Мнение, будто бы ни Зиэл, ни Прусий I не имели законного царского титула, о чем свидетельствует оказанная Зипойту поддержка, не кажется убедительным: события конца 250-х годов до н.э. уже потеряли свою актуальность, а действия византийцев и Македонии следует рассматривать как попытку воспользоваться сложившейся на тот момент внешнеполитической конъюнктурой, а не как проявление правовых норм, связанных с "внешним опекунством". К тому же еще Зиэл получил полное официальное признание от Птолемея III и со стороны ряда греческих полисов⁵⁶. Ни о каких волнениях в Вифинии, вызванных неожиданно возобновившимися претензиями Зипойта на престол, источники ничего не сообщают; скорее всего, их просто не было.

Другая ситуация, связанная с назначением царем своего преемника в обход старшего сына, создалась в 149 г. до н.э. Прусий II, очевидно, не был уверен в действенности распоряжения, которое предоставило бы право на престол его младшим детям, родившимся от брака с дочерью царя фракийского племени кенов Диэгила (App. Mithr. 6)⁵⁷, и решил прибегнуть к более простому, с его точки зрения, средству – тайному убийству старшего сына, Никомеда. Это решение могло быть составной частью своеобразной "панфракийской" политики, отдельные проявления которой, кажется, имели место во второй половине царствования Прусия II. Суть ее заключалась в династическом и внешнеполитическом сближении с фракийским властителем, в отходе от последовательного филэллинизма и в ориентации на интересы наименее эллинизированных слоев вифинского общества⁵⁸. Однако замысел царя не осуществился; Никомед II, пользовавшийся симпатиями вифинцев и поддержкой Пергама, сверг своего отца, а затем убил его (Iust. XXXIV. 4. 4–5; Diod. XXXII. 19–21; App. Mithr. 7; Plut. Cato Mai. 9; Zon. IX. 28. 1)⁵⁹. Это, естественно, было прямым нарушением всех юридических

Доу и Эдсона (см. прим. 45); однако, если датировать этот документ временем, когда Никомед IV вернул себе престол после узурпации Сократа Хреста и вновь установил контроль над всей страной (а автор не исключает такой возможности), то появление этой формулы может оказаться вполне обоснованным.

⁵⁴ Так у К. Хабихта: *Habicht Ch. Zipoites* (3) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 459.

⁵⁵ *Braund. Op. cit.* P. 146.

⁵⁶ *Welles. RC. P.* 118–123; *Rostovtzeff. SEHW. V. I.* P. 569–570.

⁵⁷ См. о Диэгиле и его отношениях с Прусием II: *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч. II. София, 1987. С. 60–61.

⁵⁸ В последующей войне против Никомеда II Диэгил оказал помощь своему зятю (App. Mithr. 6). Запутанное сообщение Суды о том, что войну против Атгала вел какой-то Νικόμηδης Μονόβουος (Suid., s.v. Ἀπολλωνίδης Μονῆ) может быть понято как выступление сына Прусия II от дочери Диэгила, Прусия "Однозубого" (Liv. Per. 50; Val. Max. I. 8) против Никомеда II и поддерживавшего его Атгала II на стороне отца. Напротив, жители городов Никомедии и, возможно, Никеи, где удельный вес эллинского элемента был довольно значительным, выступили против Прусия II (App. Mithr. 7; OGIS 327).

⁵⁹ Интересно, что в ходе этих событий вновь возникла возможность разделения территории страны: Атгал II предложил Прусию II передать сыну часть своих владений (App. Mithr. 6). Все же трудно предположить, будто в случае удовлетворения этого требования произошла бы "легализация" царской власти Никомеда II (*Ritter H.W. Diadem und Königsherrschaft. München, 1965.* S. 162); ведь речь шла только о предоставлении городов для жительства (ἐς ἐνοικεῖν) и области для получения доходов (ἐς εἰσόδα). Юридическим основанием для такого решения могли служить не какие-то фракийские установления, а

норм (не говоря уже о нормах моральных), и поэтому Никомед II первоначально подвергся осуждению со стороны римлян⁶⁰. Но после его смерти сенат специальным постановлением передал власть над страной Никомеду III как отцовское наследие (ὡς πατρῶν) (App. Mithr. 7), и видимость законности была соблюдена⁶¹.

Еще один династический кризис был инспирирован около 90 г. до н.э. Митридатом Евпатором, с помощью вооруженной силы возведшим на вифинский престол сводного брата Никомеда IV, Сократа Хреста – сына Никомеда III от его наложницы кизикенки Хагны (Gran. Lic. XXXV. 29–30; Memn. XXX. 3; Just. XXXVIII. 3. 4; 5. 8; App. Mithr. 10. 57)⁶². Аппиан специально оговаривает, что Никомед "как старший, законно владел страной" (App. Mithr. 13)⁶³, и потому римляне потребовали от Митридата выполнения решения сената об утверждении Никомеда царем (Memn. XXX. 3). Вскоре понтийский владыка был вынужден сам устранить Сократа (Just. XXXVIII. 5. 8). Из описания этих событий невозможно вывести какие-либо специфические черты порядка наследования престола в Вифинии; эта распря по своему характеру была "типично эллинистической" и в принципе не отличалась от сходных эпизодов в истории династий Птолемеев, Селевкидов или Ариартидов, также осложненных вмешательством извне. К началу I в. до н.э. генетические связи Вифинии и Фракии уже ослабели и не могли выразиться столь ярко, как раньше. Это было одним из проявлений тенденций, наметившейся еще в III–II вв. до н.э., когда вифинская βασιλεία вступила в активное соприкосновение с институтами других эллинистических монархий.

В развитии данного процесса можно выделить два этапа. Первый из них – период первичного синтеза фрако-анатолийских и общеэллинистических элементов государственности, происходивший с попеременным преобладанием то одних, то других. Попытки Зипойта поставить себя на один уровень с другими суверенами имели определенный вес, но, на наш взгляд, в целом не принесли желаемых результатов. Пожалуй, можно согласиться с теми исследователями, которые считают "истинным основателем" Вифинского царства (как "полноправной" эллинистической монархии с присущими ей особенностями) Никомеда I⁶⁴. Он, по словам М.И. Ростовцева, заявил о себе как "греческий царь с греческим именем и греческой столицей"⁶⁵, чему способствовала прежде всего проводившаяся им филэллинская политика. Однако, как это ни парадоксально, именно Никомед I, единственный представитель вифинской династии, без каких-либо оговорок назван в оракуле Фаэннис "фракийским царем" (Zosim. II. 37. 1). Это высказывание, в отличие от фразы Малалы, именующего вифинскую династию "македонянами" (Malal. VIII. 67), не содержит явного противоречия, а скорее всего реально отражает отношение греков к Никомеду I именно как к фракийцу.

Никомеду I и его ближайшим преемникам, как было показано выше, пришлось столкнуться с серьезными трудностями в передаче власти, порожденными противоре-

восходящее к Ахеменидам и унаследованное эллинистическими державами право царя дарить земли и города своим родственникам и приближенным (см. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 149 сл.).

⁶⁰ Geyer F. Nikomedes (4) // RE. Bd XVII. 1936. Sp. 495.

⁶¹ Этот факт фиксирует первое открытое вмешательство римлян во внутридинастические дела Вифинии. Основные черты клиентской зависимости Вифинского царства от Рима хорошо показаны Д. Браундом (Op. cit. P. 9–11, 135–136).

⁶² Наиболее основательно этот сюжет рассмотрел Ф. де Каллатай, использовавший широкий круг нарративных и нумизматических источников (*Callatay F. de Les derniers rois de Bithynie: problèmes de chronologie // Revue Belge de numismatique. 1986. Т. CXXXII. P. 5–30*).

⁶³ Сообщение о том, что Никомед IV Филопатор был сыном танцовщицы (*Just. XXXVII. 5*) и, следовательно, не мог считаться полноправным наследником престола, Т. Рейнак склонен считать результатом пропаганды Митридата Евпатора (*Reinach Th. L'Histoire par les monnaies. P., 1902. P. 174*).

⁶⁴ Дройзен. Ук. соч. Т. III. С. 376; ср.: Бокциани А.Г. Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966. С. 128.

⁶⁵ Rostovtzeff. SEHW. V. I. P. 568; ср.: Magie. Op. cit. V. I. P. 312.

чиями архаичных фракийских традиций с укрепляющимися эллинистическими. Важным шагом в решении этих проблем стало утверждение связей вифинского царского дома с другими династиями – Селевкидами при Зизле (Porphyr. FGrH. 260 F. 32. 8) и особенно Антигонидами при Прусии I и Прусии II⁶⁶. Последний, однако, в дальнейшей своей деятельности способствовал возобновлению некоторых установлений фракийского происхождения.

Этап развития вифинской государственности в полном соответствии с традициями и образцами эллинистических монархий берет начало в период царствования Никомеда II. В это время окончательно складывается концепция божественного происхождения царской власти, что нашло отражение в эпиграфических памятниках, связанных с именами Никомеда II и его матери Апамы⁶⁷. Никомед II первым в вифинской династии принял почетное имя и был назван Эпифаном; его преемники тоже последовали этому примеру и получили эпитеты Эвергет и Филопатор. Характерно, что сын и внук Никомеда Эпифана сохраняли на своих монетах его изображение⁶⁸. Наряду с введением датировки монет по годам царской эры данное обстоятельство расценивается как проявление желания считать воцарение Никомеда II новым основанием династии⁶⁹ и тем самым еще резче подчеркнуть разрыв не только с личностью непопулярного Прусия II, но и с его политикой.

В Вифинии, как и в других эллинистических государствах, царь сосредоточивал в своих руках всю военную и государственную власть⁷⁰. При вифинском дворе отмечено присутствие "друзей" царя⁷¹ и, возможно, телохранителей (σφισατοφύλακες) (App. Mithr. 5). Насколько можно судить по данным нумизматических и нарративных источников, внешняя атрибутика вифинских царей тоже не была чем-то необычным: среди знаков царского достоинства фигурируют диадема и пурпурное одеяние (App. Mithr. 5)⁷².

Вифинское царство прекратило свое независимое существование в 74 г. до н.э. в результате передачи его Риму по завещанию Никомеда IV Филопатора. Тем самым Вифиния разделила судьбу других эллинистических государств, включенных в Римскую державу не силой оружия, а посредством иных форм политической экспансии Рима в Восточном Средиземноморье. Выход из последнего в истории страны династического кризиса представителям правящего дома найти не удалось, и нестабильное положение царского дома оказалось одним из факторов, приведших в крушению вифинской государственности. Чем же объясняется непрочность организации государственной власти в Вифинии?

Можно назвать две главных причины. Первая из них – некоторая отсталость политических институтов вифинского общества, восходящая (по крайней мере, отчасти) к фракийскому "наследию" и далеко не всегда соответствовавшая историческим условиям эпохи эллинизма. Консервативность отдельных устоев вифинской государственно-политической системы значительно затрудняла нормальную передачу власти и вела к многочисленным смутам, заговорам и узурпациям – явлениям, и без

⁶⁶ См. Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischen Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 42–43, 116–118.

⁶⁷ IyPpene 55; IG II² 3172. Ср. с обращением к Никомеду III автора "Периэгесиса": θεϊότατε βασιλεῦ Νικόμηδες. (Ps.-Scymn. 2). Жертвоприношение, проводившееся на Косе в честь одного из вифинских царей, следует связывать, скорее всего, с Никомедом II. См. Sherwin-White S.N. Ancient Cos. An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen, 1978. О культуре Прусия I в основанном им городе Вифинионе см. Robert L. A travers l'Asie Mineure. P., 1980. 129–132.

⁶⁹ Recueil. P. 217.

⁷⁰ Vitucci. Op, cit. P. 125.

⁷¹ Robert L. Etudes anatoliennes. P., 1937. P. 238.

⁷² Изменение вида царской диадемы на монетах Прусия II отражает династические связи с Антигонидами. См. Recueil. P. 216; Davis N., Kraay C.M. The Hellenistic Kingdoms: Portrait Coins and History. L., 1973. P. 194. О знаках царского достоинства вифинской династии см. Ritter. Op. cit. S. 161–162.

того достаточно широко распространенным в истории эллинистических династий⁷³. Несмотря на это, продолжительность правления каждого из восьми вифинских царей была весьма значительна – от двадцати лет у Никомеда IV до почти половины века у Зипойта и Прусия I! Вторая причина видится в сложности синтеза различных традиций государственности и невозможности их органичного соединения в рамках единого института монархической власти. В данном аспекте положение Вифинии было довольно своеобразным: ведь в этой стране греко-македонская цивилизация вступала в контакт не с чисто азиатским субстратом, а с элементами общественных отношений, характерных для племен европейских фракийцев, приобретшими, кроме того, ряд своеобразных черт в результате слияния с анатолийскими и, возможно, иранскими традициями. Взаимодействие столь различных факторов часто приводило к довольно неожиданным результатам, и можно констатировать, что определение эллинизма как периода, лишённого стабильности и характеризующегося поиском во всех направлениях⁷⁴, находит убедительное подтверждение в истории становления и эволюции царской власти в Вифинии.

О.Л. Габелко

SOME PECULIARITIES OF THE KING'S POWER IN BITHYNIA

(To the Problem of Interrelations of Thracian and Hellenistic Traditions)

O.L. Gabelko

The article is devoted to the role of Thracian legacy in the establishment and evolution of the institution of monarchical power in Bithynia. As a Hellenistic state the kingdom of Bithynia developed in the mainstream of processes taking place in the Eastern Mediterranean, but in many ways it preserved its distinctive features.

The impact of the Thracian tradition is felt in the reflection of typically Thracian cults on coins of Nicomedes I, in the explicitly military nature of Bithynia's monarchical power. Many representatives of the dynasty had Thracian names (Zipoetes, Ziaelas, Prusias). The procedure for the succession to the throne vividly reflected the archaic Thracian ways. Numerous dynastic crises (the fight of Nicomedes I against his brother Zipoetes Bithynes, the war of Ziaelas with the children of Nicomedes I from the second marriage who were appointed his heirs, usurpation of power by Nicomedes II, etc.) were caused by the controversial practice of transmitting power which often provided for bequeathing the throne to several heirs simultaneously or dividing the country into separate regions to be given to representatives of the ruling dynasty. In the history of European Thrace such incidents were also quite frequent.

It is only since the reign of Nicomedes II (149 – ca. 127 B.C.) that the Bithynian βασιλεῖα (titles, the cult of the king, insignia of the monarch's power) came to resemble the Hellenistic model in all respects. But the precarious position of the ruling dynasty which was largely a result of different concepts of the monarch's power embodied in Bithynia's statehood remained unstable until the moment when Nicomedes IV bequeathed his country by will to Rome in 74 B.C.

⁷³ Не исключено, что в Вифинии имел место еще один случай узурпации власти: сохранилось упоминание Грания Лициниана об отравлении Никомеда III (XXXV. 30. 7). Хотя Дж. Витуччи не склонен доверять этому сообщению (op. cit., p. 107), косвенным подтверждением ему может служить фраза Плиния Старшего: *Interfecto Nicomede rege...* (Plin. NH. VIII. 65. 5), относящаяся, вероятно, именно к Никомеду III.

⁷⁴ *Свенцицкая И.С.* Выступление в дискуссии по общим проблемам эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1982. Тбилиси, 1985. С. 109.